
УДК 343.97; 340.1

ГРНТИ 10.07.27

**РОССИЙСКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА: ФИЛОСОФСКИЙ
АСПЕКТ**

*Владимир Геннадьевич Громов,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного, экологического права и криминологии,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.
Чернышевского,
профессор
e-mail: gromov_vg@mail.ru*

RUSSIAN CRIMINAL SUBCULTURE: PHILOSOPHY ASPECT

*Vladimir G. Gromov,
Doctor in Law, Professor,
Department of Criminal, Ecological Law and Criminology,
Saratov National Research State University named by N.G. Chernyshevsky,
Professor
e-mail: gromov_vg@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Под влиянием криминальной философии в социуме снижается уровень доверия к правоохранительным органам, одобряется самосуд и самоуправство, распространяется этнический и религиозный экстремизм. Анализируя информацию о философских аспектах криминальной субкультуры, автор формулирует выводы о путях снижения криминогенности общества.

Предлагается два направления противодействия криминальной философии. Можно законодательно ограничить пропаганду криминальных традиций и убеждений о

необходимости и целесообразности ведения преступного образа жизни. С другой стороны, обществу и государству следует приложить дополнительные усилия по снижению карательного потенциала мест лишения свободы.

ABSTRACT

Under the influence of criminal philosophy in society reduced the level of trust towards law enforcement authorities, approved the lynching and arbitrariness, spreading ethnic and religious extremism. Analyzing information about the philosophical aspects of the criminal subculture, the author formulates conclusions about the ways of reducing the criminality of the companies.

There are two ways to counter criminal philosophy. We can legally restrict the propagation of criminal traditions and beliefs about the necessity and usefulness of a criminal lifestyle. On the other hand, society and the state should make additional efforts to reduce the punitive potential of places of deprivation of liberty.

Ключевые слова: криминальная субкультура; банда; философия; общество; тюрьма.

Keywords: criminal subculture; gang; philosophy; society; prison.

Впервые термин «субкультура» появился за рубежом в 30-ые годы прошлого столетия, когда Ф. Трэшером была опубликована работа по изучению 1313 банд в Чикаго. Проведенный им анализ банд, причин их возникновения, условий существования, состава, норм и правил жизни членов банды, – по праву считается образцом криминологического исследования [1].

Долгие годы в преступном мире в России господствовала мораль «воров в законе», которая возникла в 30-ые годы XX века как свод правил, регулирующих взаимоотношения воров-карманников друг с другом и с государством. Криминальная этика, в общем, и целом представляла собой деформированную мораль законопослушного гражданина; в ней преступление считается доблестью, а единственным достойным образом жизни – жизнь вора. Основное правило простое: воруй, но не попадайся, а если попался, то не сознавайся.

М. Фуко также отмечает, что происхождение криминальной субкультуры имеет давнюю историю. «В классическую эпоху на задворках или в щелях общества существовала смутная, терпимая и опасная область "внезако́ния" или,

по крайней мере, того, что ускользало от когтей власти; неопределенное пространство, место формирования и прибежище преступности. Там по воле случая и судьбы сталкивались бедность, безработица, преследуемая невинность, хитрость, борьба с властью имущими, отказ исполнять обязанности, попрание законов и организованная преступность» [2].

Криминальная субкультура – это субкультура, являющаяся подвидом культуры, нормы которой противопоставляются общепринятым социальным нормам, и которая связана с нарушением уголовно-правовых запретов.

В условиях кризиса у людей происходит деформация потребностей, взглядов, утрачиваются идеалы. Преступное сообщество пользуется этим, создает собственную систему ценностей, вырабатывает свою философию, которую активно внедряет в общество, в массовое сознание. Корни криминальной субкультуры имеют тюремное происхождение.

Главная философская идея заключается в неприятии сложившихся в обществе норм, отношений и официальных институтов, оправдывает и поощряет преступный образ жизни.

Эта философия помогает преступнику самоутвердиться в своей невинности и представить себя окружающим как полноценную или даже героическую личность, а психологические барьеры делают преступника невосприимчивым к восприятию позитивных взглядов и идей.

Криминальные философские идеи с помощью коммуникативных и регулятивных элементов субкультуры (прозвища, татуировки, жаргон, нормы, обычаи, традиции, стратификация преступников) реализуются в повседневной жизни.

На современном этапе развития общества российская криминальная субкультура не только духовно подпитывает преступное сообщество, но и воспроизводит преступность и преступления. Весьма существенное влияние она оказывает на формирование, как личности преступника, так и её антиобщественной направленности.

В. Фокс справедливо отмечает, что «общество черпает свою силу в эффективном функционировании таких групп, как семья, школа, церковь, промышленное предприятие, коммерческая компания, клуб, профессиональная группа и различные органы управления. Для того чтобы понять или изменить поведение человека, необходимо изучить группу и групповое поведение» [3]. Как и любой иной вид субкультуры, криминальная субкультура носит групповой характер.

Являясь частью общей культуры, субкультура обособляется в ней главным образом по признаку носителя, приверженца, адепта этого вида культуры. Кроме того, в основе выделения субкультуры как вида, помимо адепта культуры, лежит конфликт ее философских идей с идеями, считающимися нормой в обществе.

Все основополагающие институты общества – государство, право, семья, образование – отвергаются, их в шкале ценностей просто не существует. Однако ни одна субкультура не способна создать свой самостоятельный материальный базис. Субкультура не в силах опровергнуть законы диалектики, создать независимую экономику. Поэтому, паразитируя на материальной основе, созданной человечеством, она пытается навязать ему свою философию, отличную от общепринятой. Строится такая система отношений, в которой индивиды пытаются существовать в относительной самостоятельности от общества.

В современных научных исследованиях предлагается много различных вариантов определений субкультуры, анализ которых позволяет нам сказать, что субкультура – это надстройка над материальным базисом, сложившаяся в обособленной социальной среде, объединенной общей философией, отличной от философии, господствующей в социуме.

В научной литературе часто встречаются похожие понятия: «асоциальная субкультура», «криминальная субкультура», «пенитенциарная субкультура».

На основе анализа этих понятий можно сделать вывод о том, что криминальная субкультура – это субкультура, являющаяся подвидом культуры,

нормы которой противопоставляются общепринятым социальным нормам, и которая связана с нарушением уголовно-правовых запретов.

Практически все современное российское общество испытывает на себе негативное влияние ряда экономических, политических, социально-психологических и иных явлений и процессов. Одним из наиболее опасных факторов, воздействующих на российское общество, является криминальная субкультура, представляющая собой систему философских, идеологических, нравственных норм и правил поведения, которые создаются и культивируются лицами с устойчивыми антисоциальными ценностями и взглядами.

В 2016 году в России зарегистрировано 2160 тысяч преступлений, что примерно на 10% меньше, чем в 2015 году. Каждое второе расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления [4].

Рост преступности провоцирует формирование у людей негативных представлений, которые, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на преступность, вызывая дальнейшее повышение ее показателей. В условиях дальнейшей деформации потребностей, взглядов, углубления нравственного кризиса, утраты идеалов и пересмотра общечеловеческих ценностей идет активное внедрение в массовое сознание криминальной субкультуры.

Преступное сообщество создает собственную систему ценностей, вырабатывает свою философию, которую активно внедряет в общество. В результате в общественном мнении воспроизводятся и распространяются ценности и нормы криминального мира, стереотипы правонарушающего поведения, якобы оправданного экономическими, социальными, моральными и иными соображениями.

В повседневный быт и культуру социума последовательно внедряются элементы криминальной субкультуры: специфические для преступников жаргон, средства коммуникации и способы разрешения конфликтов. Все чаще в средствах массовой информации употребляются слова и выражения, которые двадцать-тридцать лет назад являлись преступным жаргоном. Однако сегодня даже серьезные политики и государственные деятели с экранов телевизоров

могут употреблять выражения «беспредел в экономике», «очередная разборка», «нельзя кошмарить бизнес», а террористов необходимо «мочить в сортирах».

Целый ряд признаков позволяет говорить о том, что корни криминальной субкультуры имеют тюремное происхождение. Преступные сообщества, банды, орудующие на свободе, «поставляют» с помощью механизма уголовного правосудия своих членов в места лишения свободы. Пройдя там тюремную закалку, «школу повышения криминальной квалификации», они возвращаются на свободу. Полученный ими криминальный опыт позволяет занять в банде более высокий статус, и совершать более квалифицированные преступления.

Э. Сатерленд и Д. Кресси пишут, что «само существование такого феномена, как банда, обусловлено выполняемыми ею функциями. Во-первых, банда дает своим членам возможность проверить, в какой мере каждый из них принимает установленные в ней правила поведения. Во-вторых, она позволяет оценить надежность каждого на случай совершения дерзкого и преступного деяния. В-третьих, она предоставляет каждому своему члену возможность удостовериться, в какой степени другие члены приемлют его способ нейтрализации влияния законопослушного общества. Наконец, члены банды сообща совершают различные виды делинквентных действий, чтобы проверить, готов ли на это пойти каждый из ее членов» [5].

Криминальная субкультура имеет свое философское содержание. Этот вид субкультуры, как и любой иной вид, представляет собой особую систему, включающую в себя несколько основных элементов.

Главная философская идея, в основе которой лежит неприятие сложившихся в обществе норм, отношений и официальных институтов. Она позволяет оправдывать и поощрять преступный образ жизни. Наиболее часто употребляемым является выражение «Не украдёшь – не проживёшь!» Вор считается идеальным типом личности, примером для подражания.

Эта идея помогает преступникам субъективно оправдывать совершение преступлений, как в своих глазах, так и в глазах окружающих. Такое оправдание происходит путем включения механизмов психологической защиты

преступников. Включение этих механизмов позволяет отрицать собственную вину и возлагать ответственность за содеянное на других, заменять низменные побуждения благородными и возвышенными мотивами. Так, в групповых преступлениях мотивация объясняется чувством товарищества, дружбы, коллективизма, взаимопомощи; при совершении насильственных преступлений – обвинением жертвы в аморальном, противоправном или провоцирующем поведении; при совершении корыстных преступлений – идеей перераспределения имеющейся у людей собственности и её присвоения с самой разнообразной «позитивной» мотивацией («надо делиться», «иначе добро пропадет», «другие больше меня воруют»).

Эта философия направлена на устранение или сведение к минимуму чувства тревоги, беспокойства, вины, раскаяния, – тех, что связаны с совершением преступления. С одной стороны, она помогает преступнику самоутвердиться в своей невиновности. Кроме того, так он пытается оправдать себя в глазах окружающих людей в совершенном преступлении, представить себя как полноценную или даже героическую личность.

С другой стороны, считает В.Ф. Пирожков, действие защитных механизмов, в том числе на бессознательном уровне, затрудняет проведение с ними профилактической работы, не говоря уже об исправлении осуждённых. Психологический барьер, возникающий между воспитателем и преступником, делает последнего невосприимчивым к другим взглядам, идеям, установкам: «Что вы меня воспитываете, если я не виноват?», «Виноват потерпевший, который меня спровоцировал», «Я защищал товарища от хулиганов» и др. [6].

Ценности криминальной субкультуры являются факторами, активно воздействующими на формирование личности членов преступных микрогрупп и вовлечение в орбиту преступной деятельности новых членов. Очевидно, что ценности должны быть достаточно специфичными, и отражать чаяния и стремления к ним лиц и с корыстной, и с насильственной мотивацией. Традиционно к основным ценностям преступники причисляют волю (свободу) и родную мать, а в последние годы — и деньги.

Для того, чтобы философские идеи и взгляды сами по себе не витали в воздухе (от этого можно быстро разочароваться), существует еще несколько элементов субкультуры. Эти элементы, с одной стороны воплощают в жизнь основные философские каноны, а с другой стороны, дают практическую подпитку таким философским воззрениям, утверждая их практически в повседневной жизни. К таковым следует отнести коммуникативные и регулятивные атрибуты криминальной субкультуры.

Прозвища (клички) определяют взаимоотношения в среде правонарушителей, так как отражают статус личности, являются средством конспирации и деперсонализации. Часто они подчёркивают физические качества или недостатки преступников («Хромой», «Однокрылый», «Амбал»), указывают на их положение в преступной среде («Хан», «Солдат»), или на их происхождение («Брянский», «Бакинский», «Одессит»).

Татуировки, своего рода натальная живопись, выполняют информационно-сигнализирующую роль, указывая на особенности преступной деятельности (корыстная, насильственная) и местоположение в криминальной иерархии данного лица. До сих пор существуют воровские татуировки («эполеты», звезды на коленях, распятия), запретные для всех, кроме коронованных законников. Оскаленная пасть тигра, кинжал — символы агрессивных преступников, совершивших преступления против личности, чёрт с мешком — расхититель, паук в паутине — наркоман и т.д.

Жаргон, арго (криминальный язык) выполняет несколько функций. Во-первых, условно выделяют лексику, используемую для обыденного употребления. Некоторые слова из уголовного жаргона, отмечают А.В. Калинин и А.В. Шеслер, созданного ворами в годы советской власти, сегодня употребляются во всех слоях общества («мент» — сотрудник милиции, «базар» — пустой, никчёмный разговор, «разборка» — выяснение разногласий, спорных отношений). Сейчас этот язык насчитывает несколько тысяч слов. Во-вторых, выделяют вульгарно-бранную лексику, несущую в себе цинично-негативную оценку человека или поступка («шмара» — женщина легкого поведения;

«репа», «тыква» — голова; «косяк» — ошибка, неправильный поступок). В третьих, часть лексикона, собственно *арго*, служит средством узнаваемости преступников между собой, и одновременно является способом конспирации («шмонать» — производить обыск; «выставить» — обокрасть квартиру; «сесть на хвост» — организовать слежку) [7, 8].

Невербальные средства общения (жесты, перестукивание по стенке, системе центрального отопления или канализации, позы, мимика и т.д.). Эти средства, предназначенные для конспирации, являются сжатым и быстрым способом передачи информации. Такой способ считается вынужденным, так как несёт в себе мало информации, и поэтому он применяется там, где невозможно полноценное общение (в следственном изоляторе; тюрьме; общественных местах при совершении карманных краж; где происходит игра в карты).

Нормы поведения являются средством накопления, сохранения и передачи социального опыта жизни в преступной среде. Так, например, никогда не следует выдавать сообщников, места хранения похищенного имущества и т.д. Эти нормы определяют тип общения, манеру поведения среди преступников, стимулируют усвоение уголовного жаргона.

Стратификация преступников. Важнейшей особенностью групповой стратификации правонарушителей в системе их субкультуры является строгое деление на своих и чужих. В свою очередь, среди своих однозначно определяются социальные статусы и роли преступников.

Имеются категории «воров», «авторитетов», принадлежащих к высшей касте преступного мира, пропагандирующих его традиции и обычаи; «фрайеров», «парней» — стремящихся к достижению этих высоких званий; «мужиков», «быков» — простых, рядовых преступников.

Кроме того, в местах лишения свободы существует социальное клеймение – использование для обозначения принадлежности к низшим слоям криминалитета оскорбительных терминов («махно», «чушка»), к активистам,

сотрудничающим с администрацией («стукач», «козёл») а также к подвергнувшимся сексуальному насилию («обиженный», «петух»).

Аналогичная ситуация наблюдается исследователями и в США. Э. Шлоссер отмечает, что «в большинстве американских тюрем — там, где насилие, жестокость, шантаж давно стали нормой — учат тому, что сильный всегда побеждает слабого. Заключённые, которые хоть немного выказывают свою уязвимость, немедленно становятся жертвами. Ранее в тюрьмах Иллинойса и Калифорнии создавались банды заключённых — для самозащиты. Теперь эти банды существуют по всей стране. Среди молодёжи вошли в моду татуировки, обычаи, жаргон этих тюремных банд. В американских городах тюремная культура становится культурой улиц» [9].

Кроме того, отмечается, что у населения, в первую очередь, у молодёжи, наблюдается рост интереса к тюремной культуре, отсюда и мода на всё тюремное. мода на мешковатую, плохо сидящую одежду, приспущенные брюки, музыка в стиле «рэп» и татуировки пришли из тюрем; это всё становится сегодня частью всеобщей культуры.

Традиции и обычаи выполняют воспитательную роль. Они направлены на усиление антиобщественной направленности новичков, молодежи и передачу криминального опыта от старшего поколения младшему. Так, например, при подселении в камеру новичок обязан положить «в общак» несколько пачек сигарет, пачку чая, какую-либо еду, иначе, при несоблюдении этих традиций, он может стать потенциальной жертвой внутрикамерного грабежа.

Традиционно все глобальные вопросы о распределении сфер влияния в криминальном мире решаются на сходках «воров в законе». Соответственно, и решение о присвоении звания «вор» криминальному авторитету может вынести только воровская сходка.

Криминальная субкультура достаточно агрессивна. Механизм ее проникновения в общество заключается в следующем. Вначале она непосредственно внедряется в «слабое звено» социума, к которому относятся, в первую очередь, несовершеннолетние, маргиналы и безработные. Прижившись

в слабом звене, она, как инфекция, постепенно расплзается по здоровой части общества.

Преступный мир, паразитируя на здоровом обществе, создает собственную систему ценностей, которая отлична от ценностей законопослушных людей. В современных условиях экономического и нравственного кризиса, утраты коммунистических идеалов, криминалитет активно старается внедрить в массовое сознание криминальную философию. Снижается уровень доверия к правоохранительным органам, одобряется самосуд и самоуправство, распространяется этнический и религиозный экстремизм. Таким образом, создается обстановка, выгодная преступникам.

Такое влияние на общество со стороны криминалитета является серьезной опасностью, с которой, безусловно, нужно бороться. Однако нормы национального законодательства не позволяют сегодня организовать эту борьбу с достаточной эффективностью. И российский криминалитет убежден в том, что всё можно купить за деньги; что нельзя купить за деньги, то можно купить за большие деньги, а что не покупается за большие деньги, то следует купить за очень большие деньги.

Необходимо подчеркнуть, что одной из важнейших задач российского государства, и, в частности, Совета Европы, на сегодняшнем этапе является разработка и внедрение эффективных мер противодействия распространению криминальной субкультуры, и, в первую очередь, криминальной философии.

Статья 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком... Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» [10].

В Российской Федерации настоящая Конвенция вступила в законную силу с 5 мая 1998 года, и сегодня Россия обязана выполнять её нормативные предписания. Поэтому представляется своевременным и актуальным рассмотрение такого негативного социального явления, которое существует в российском обществе и называется криминальной субкультурой.

Законопослушное российское население предполагает жить в правовом государстве, созданном обществом на демократических началах. Однако криминальная субкультура сегодня выступает в качестве фактора, дестабилизирующего общество. Криминальная философия построена на конфликтах, и ее основы не созидательны, а разрушительны.

Сегодня мы наблюдаем, как в целом ряде регионов Сибири и Забайкалья все большее количество молодых людей подпадает под влияние философской идеи тюрьмы. Они называют ее АУЕ (арестантский уклад един). Уголовная романтика, татуировки, жаргон, «блатные понятия» — все это сейчас, как чума, распространяется среди несовершеннолетних. Считается, что каждый «правильный пацан» обязан обеспечивать деньгами, чаем и куревом (гревом) осужденных, которые отбывают наказание за решеткой. Данью обкладываются даже школьники начальных классов [8].

В криминальных сообществах отсутствуют демократические начала, а напротив, существует строгая подчинённость, иерархия с жесткими императивными санкциями и неотвратимостью наказания. Санкций, используемых в криминальном мире, в отличие от уголовного законодательства, немного: денежный штраф, физическая расправа или убийство. Но эти наказания практически всегда исполняются, избежать их нельзя, даже уехав за границу, поэтому желающих нарушить криминальные каноны очень мало.

Наблюдая, как современный криминалитет, используя любые средства, стремится во власть, можно с большой долей вероятности предположить, что демократии в государственные институты им будет привнесено немного.

Очевидно, что о демократическом государстве в таких условиях говорить не придется.

Европейская Конвенция дает возможность законодателю вводить формальности, условия, ограничения и санкции в отношении распространения криминальной субкультуры в «целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности». Поэтому, возможно, следует подумать о том, как можно законодательно ограничить пропаганду криминальных традиций и убеждений о необходимости и целесообразности ведения преступного образа жизни.

Однако только ограничительными и запретительными мерами уровень влияния криминальной субкультуры на общество снизить не удастся. Автор, имея за плечами 13-летний опыт работы в местах лишения свободы, заметил, что нормы криминальной субкультуры имеют тем больший вес для индивидов, чем сильнее их изоляция от общества и строже требования режима. Так, минимальное значение эти нормы имеют для осужденных, отбывающих наказание в полуоткрытых колониях-поселениях (аналогах джайлов в США). Напротив, в тюрьмах и исправительных колониях особого режима (аналоги – тюрьмы максимальной безопасности в США) нормы и правила криминальной субкультуры в среде осужденных фактически преобладают над нормами закона.

Поэтому, на наш взгляд, обществу и государству придется приложить еще дополнительные усилия по снижению карательного потенциала мест лишения свободы.

Список литературы

1. Thrasher F.M. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. University of Chicago Press, Chicago. 1927. 605 p.
2. Foucault M. Discipline and Punishment: The Birth of the Prison. New York: Vintage. 1979. 333 p.

3. Fox V.B. Introduction to corrections, 3rd ed, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. 1985. 493 p.
4. МВД РФ. Официальный сайт. Состояние преступности в России январь-декабрь 2016 г. URL: http://crimestat.ru/offenses_map. (дата обращения 30.03.2017).
5. Sutherland E.H., Cressey D.R. Principles of Criminology, 7th ed., Philadelphia, Lippincott. 1966. 721 p.
6. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2007. 704 с.
7. Калинин А. В. Лексика русского языка. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1978. 229 с.
8. Шеслер А.В. Субкультура «воров в законе» и её девиантные функции. Вопросы правовой теории и практики. Вып. 1. Омск, 2003. С. 28-30.
9. Shlosser E. The Prison Industrial Complex. The Atlantic Monthly. 6. 1998. p. 51-57.
10. «Арестантский уклад един»: детей заставляют сдавать деньги на общак для зоны. URL: <http://union-press.ru/> (дата обращения 30.03.2017).
11. The European Convention on Human Rights. Rome, 4 November, 1950. URL: <http://www.hri.org/docs/ECHR50.html>. (дата обращения 30.03.2017).